

Мы дружили.
Пока я не узнала
её настоящую
правду.

Талки НЕ ПЛАЧУТ

Дружба
— это тоже
выбор.

И иногда
он больше,
чем любовь.

Зоя Баллар

Галки не плачут

«Автор»

2026

Баллар З.

Галки не плачут / З. Баллар — «Автор», 2026

Ася переезжает в новый район, новую школу, новую жизнь — и эта жизнь оказывается войной. Травля, одиночество, крики за стеной и один человек, который почему-то не проходит мимо. Но можно ли доверять тому, кто сам стоит на краю? История о том, как выжить, когда мир против тебя. И о том, что дом — это не стены.

© Баллар З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая квартира	5
Глава 2. Последний звонок старой жизни	7
Глава 3. Новый класс	9
Глава 4. Чёрные глаза	11
Глава 5. Трещина под полом	14
Глава 6. Чужая среди своих	16
Глава 7. Игры на выживание	18
Глава 8. Точка невозврата	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Зоя Баллар

Галки не плачут

Глава 1. Чужая квартира

Ключ провернулся в замке с чужим, жестяным звуком. Ася стояла на лестничной клетке, прижимая к груди коробку с тетрадами — единственное, что мать доверила ей нести, процедив: «Только не урони, там твои каракули». Пахло краской, пылью и чужим ремонтом — тем самым запахом, который обещает «новую жизнь», но почему-то всегда отдаёт больницей.

— Заходи, чего застыла, — отец мягко подтолкнул её в спину. У него была добрая, виноватая улыбка — та самая, с которой он последние два месяца сообщал плохие новости. Сначала: «Ась, я с работы ушёл». Потом: «Квартиру придётся поменять». И вот теперь: «Ничего, привыкнем».

Она шагнула внутрь. Квартира была меньше. Ощутимо. Там, в старой, у Аси была своя комната с балконом и дурацкими обоями в цветочек, которые она ненавидела всю жизнь, а сейчас вдруг поняла, что скучает по каждому лепестку. Здесь её комната — узкий пенал, в который с трудом влезла кровать и стол. Окно выходило во двор-колодец, и даже в солнечный день внутри царил зеленоватый полумрак.

— Тесно, — сказала мать, проходя мимо с двумя пакетами. Она всегда говорила очевидное так, будто обвиняла всех вокруг.

— В старой хоть повернуться можно было. Серёж, ну куда ты ставишь? Я же сказала: шкаф к левой стене.

Отец послушно развернул шкаф к левой стене. У него получалось плохо, потому что проход был слишком узким, и дверца шкафа царапала свежеекрашенный косяк.

Мать закатила глаза и вышла на кухню — оттуда через минуту донёсся звук льющейся воды и бряканье посуды. Она всегда начинала мыть посуду, когда злилась. Даже чужую посуду в чужой квартире.

Ася прошла в свою комнату-пенал и опустила коробку на пол. Обои здесь были серые, с едва заметной полоской — выбор матери. «Практично и не марко». Никаких цветочков. Никакого балкона. Ничего её. Она села на край кровати без белья — просто матрас в полиэтилене — и достала телефон.

В чате со старой школой было тихо: Злата и Арсений ещё на уроках. Ася набрала «Переехали. Тут ужасно» и стёрла. Зачем писать, если ничего не изменишь? Вместо этого она открыла фотографии. Вот они втроём — прошлое лето, парк Горького, Злата со смехом брызгает на них водой из фонтана, Арсений щурится на солнце. Ася тогда смотрела не в камеру, а на него — на Арсения. И если разглядывать фото слишком долго, это становилось очевидным. Она быстро пролистнула дальше.

— Ась, — отец заглянул в дверь. — Я тут чайник поставил. Будешь?

Она кивнула. Он замер, будто хотел сказать что-то ещё, но не решился — и просто ушёл обратно на кухню. Через минуту оттуда донеслось: «Серёж, ну куда ты кружки поставил, здесь же готовить негде!»

Ася закрыла дверь. Не до конца — просто притворила. Вечер за окном сгущался, превращая двор-колодец в тёмный аквариум. Где-то наверху, этажом выше, кто-то слушал музыку — глухой бас долбил в бетонные стены. Ася легла на голый матрас, глядя в серый потолок, и впервые за долгое время не заплакала. Просто потому что слёз не осталось. Дом — это место, где тебя ждут, сказала бы какая-нибудь мудрая книга. Здесь её не ждал никто. Здесь она была просто вещью, перевезённой из пункта А в пункт Б.

Дзинькнул телефон. «Как ты там?» — написала Злата. И следом: «Мы с Арсением очень скучаем». Ася улыбнулась — впервые за день. Написала: «Нормально всё. Потом расскажу». Врать получалось легко. Почти так же легко, как вдыхать запах чужой краски в чужом месте, которое кто-то когда-то посмеет назвать домом. За стеной мать снова повысила голос. Отец что-то ответил — тихо, едва слышно. И снова — бряканье посуды.

Глава 2. Последний звонок старой жизни

До переезда оставалась неделя. Ася ещё не знала, что мать уже договорилась о переводе в новую школу — скажет она об этом вскользь, за ужином, между «передай соль» и «почему опять четвёрка по физике».

Пока же Ася жила в дурацкой уверенности, что самое страшное — это смена квартиры, а школа, друзья, привычный мир останутся при ней. В тот день они договорились встретиться у старого кинотеатра на «Преображенской». Место было так себе: облупленная афиша, вечный запах попкорна и хлорки из туалета.

Но это было их место — ещё с восьмого класса, когда Злата впервые потащила их на какой-то дурацкий хоррор, а Арсений потом две недели не мог спать без света.

Ася помнила это так ясно, будто вчера: Арсений сидит с белым лицом, а она украдкой смотрит на него и думает — «я бы просидела с тобой всю ночь, если бы ты попросил». Он тогда не попросил.

Сейчас, заведя их у входа, Ася прибавила шаг. Злата стояла, прислонившись к колонне, в своём вечном красном берете, который делал её похожей на француженку из чёрно-белого фильма. Арсений — чуть поодаль, руки в карманах, тёмные волосы растрёпаны, как всегда. У Аси внутри что-то сжалось и разжалось одновременно. Господи, как же я по вам скучала. Мы же ещё даже не расстались, а я уже скучаю.

— Ну наконец-то! — Злата кинулась обниматься. От неё пахло мятной жвачкой и какими-то сладкими духами, которые она покупала в переходе метро.

— Мы тут замёрзли уже. Сенька опять без шапки, конечно.

— У меня волосы — моя шапка, — отозвался Арсений, но улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у Аси слабели колени ещё с седьмого класса. Они пошли в сторону парка. Октябрь уже красил Москву в охру и ржавчину, под ногами шуршало, и в воздухе пахло дымом откуда-то из частного сектора. Злата болтала без умолку — про школу, про новую училку по литературе, которая носит платья в пол и читает Бродского с придыханием. Арсений иногда вставлял короткие фразы, и Ася ловила себя на том, что смотрит на его профиль дольше, чем стоило бы.

— Ты чего молчишь? — он вдруг повернулся к ней. — А? — Ася моргнула. — Да так. Думаю. — О переезде? — О том, что всё изменится.

Злата остановилась. Посмотрела на неё — внимательно, без привычной дурашливости.

— Ась. Мы же не перестанем видеться. Москва — это один большой муравейник, но мы-то с тобой не муравьи. Договорились? — Договорились, — Ася кивнула, и улыбка получилась почти настоящей. Они пошли дальше. Арсений вдруг взял её за руку — просто так, по-дружески, как делал сто раз до этого. Но в этот раз его пальцы задержались чуть дольше, и он сказал тихо, так, чтобы Злата не услышала:

— Ты это если что, звони. В любое время.

И Ася почувствовала, как внутри разливается тёплое, опасное чувство. Надежда. С ней потом будет очень больно расставаться. Они дошли до старого моста через Язу. Солнце садилось, окрашивая воду в грязно-розовый.

Злата достала телефон и заставила их сделать селфи — «чтобы помнили, какие мы тут были красивые и молодые». Ася закатила глаза, но позировала. Арсений встал сзади, положил подбородок ей на макушку. Щёлк.

— Когда-нибудь мы будем смотреть на это фото и смеяться, — сказала Злата. — Или плакать. Или всё сразу. Она не знала, насколько окажется права.

Вечер закончился у метро. Злата чмокнула Асю в щёку и убежала первой — ей нужно было зайти к бабушке. Арсений задержался.

— Слушай, — он потёр переносицу, явно смущаясь, — я хотел сказать В общем, ты держись там. Новая школа, новая квартира. Это всё ерунда. Люди к тебе тянутся, ты просто сама этого не замечаешь. Ася хотела ответить: «А ты? Ты тянешься?» — но не сказала. Просто кивнула.

— Ладно, — он усмехнулся. — Бывай, Аська.

И ушёл вниз по ступенькам, в светящийся зев метро. А Ася стояла и смотрела ему вслед, пока его тёмная макушка не скрылась за турникетами. На следующий день мать объявила про перевод в новую школу.

Глава 3. Новый класс

Новая школа оказалась большой, серой и безликой — типовое здание, каких в спальных районах Москвы десятки. Но внутри, в вестибюле, висела плазма с бегущей строкой «Добро пожаловать!», и охранник на входе даже улыбнулся, проверяя пропуск. Ася не ожидала улыбки — и от неожиданности улыбнулась в ответ.

— Одиннадцатый «А», — сказала она. — Где это? — Третий этаж, направо, — охранник махнул рукой. — Там у них классный час через пять минут. Успеешь.

Успею. Будто в этом было все дело. Ася поднималась по лестнице, и каждый шаг отдавался в висках. Она пыталась вспомнить, как в первый раз пришла в старую школу — туда её привела мать, строгая, с идеальной укладкой, и классная руководительница тогда сказала: «Какая серьёзная девочка».

Сейчас матери рядом не было. Отец предлагал поехать с ней, но Ася отказалась: «Пап, я не первоклашка». И вот теперь жалела. Перwokлашкой было бы проще — первоклашкам прощают страх. На третьем этаже пахло столовой и мелом. Из-за дверей доносился гул — классы уже собирались. Ася нашла нужную дверь, на мгновение задержала дыхание и вошла. На неё повернулись головы. Штук двадцать. Может, больше.

— А, новенькая, — пожилая учительница в очках на цепочке сверилась с журналом.

— Астра э-э Астра Сергеевна?

— Можно просто Ася, — сказала она тихо, но так, чтобы услышали.

Кто-то с задней парты хмыкнул. Ася не обернулась.

— Садись пока к окну, свободное место есть. Рядом с Яном.

В классе стало немного тише — так бывает, когда называют имя, имеющее вес. Ася пошла по проходу, чувствуя взгляды спиной, и боковым зрением улавливала шёпот. У окна, за предпоследней партой, сидел парень. Он не шушукался. Он вообще не смотрел на неё — лениво листал что-то в телефоне, и свет экрана делал его лицо резким, почти скульптурным. Тёмные волосы, тёмные брови, челюсть — как из учебника по греческой скульптуре. Янис, вспомнила Ася. Ян.

— Можно? — она кивнула на стул рядом. Он поднял глаза. И Ася вдруг поняла, что воздух вокруг стал плотнее. У него были светлые глаза — неожиданно светлые для такого тёмного лица, серо-зелёные, как вода в северном озере. И они смотрели прямо, без стеснения, оценивающе.

— Садись, — сказал он. Голос низкий, равнодушный. — Место не купленное.

Ася села. Достала тетрадь. Руки немного дрожали, но никто этого не заметил. Никто, кроме, кажется, него — она краем глаза увидела, как он скользнул взглядом по её пальцам и отвернулся к окну. Классный час начался.

Учительница — её звали Галина Романовна — рассказывала про подготовку к ЕГЭ, про расписание дополнительных занятий, про ответственность выпускного класса. Ася записывала, чтобы занять руки и не думать о том, что сидит в полуметре от человека, которого весь класс, кажется, боится или обожает — она ещё не поняла. Сзади раздался смех — три девичьих голоса, переплетённых в один змеиный шёпот. Ася скосила глаза.

— Она в прошлой школе отличницей была, что ли? — донеслось до неё.

— Сразу за тетрадку схватилась.

— Ань, не Ань, Ась, — передразнила другая. — Имя как у собачки.

Смех вспорхнул и стих. Ася сжала ручку. Она давно научилась не реагировать на такие вещи — мать в детстве говорила: «Если на каждую шавку оборачиваться, шея заболит». Но всё равно внутри что-то царапнуло.

— Не обращай внимания, — вдруг сказал Ян. Тихо, не поворачивая головы.

— Это Алина и её свита. У них ритуал — облаивать всё новое.

Ася удивлённо посмотрела на него. Он всё так же смотрел в окно, и нельзя было понять, зачем он это сказал — из вежливости, из жалости или просто чтобы проверить, как она реагирует.

— Спасибо, — сказала она. — Но я не боюсь.

Ян повернулся. Его глаза на секунду задержались на её лице — на губах, на скулах, на глазах. И что-то в его взгляде дрогнуло. Будто он наткнулся на препятствие, которого не ожидал.

— А зря, — сказал он. — Здесь есть кого бояться.

И отвернулся. После классного часа все разошлись по группам — кто к курилке, кто в столовую, кто просто в коридор стоять в телефонах. Ася вышла в рекреацию и встала у окна. Достала телефон. Там уже были сообщения. Злата: «Ну как??? Рассказывай!» Арсений: «Держись, Аська. Если что — звони». Она набрала Злате: «Норм. Странно. Но норм». И уже хотела убрать телефон, когда рядом кто-то остановился.

Девушка — высокая, с длинными светлыми волосами и идеальным контурингом, который в школе смотрелся вызывающе. Алина. Та самая, про которую сказал Ян.

— Ты Ася, да? — она улыбнулась, но улыбка была как лезвие — тонкая и холодная. — Я Алина. Мы с девочками хотели познакомиться. У нас тут компания своя, понимаешь? Есть Ян и парни. Есть мы. А есть ну, остальные. Ты к каким?

Ася посмотрела на неё прямо. Мать учила её никогда не опускать глаза перед такими — «тысячу раз видела таких, пусть попробуют сломать».

— Я пока ни к каким, — сказала она спокойно. — Я просто учусь.

Алина чуть сузила глаза. Улыбка не пропала, но стала жёстче.

— Ну-ну, — сказала она. — Просто учись. Посмотрим, на сколько тебя хватит.

И ушла — туда, где у окна стояли ещё две девушки. Диана и Камилла, как позже выяснится. Они зашептались, засмеялись, и Ася поняла: её только что предупредили. Или пригласили. В любом случае — заметили. Прозвенел звонок. Все потянулись обратно в класс. Ася задержалась у окна ещё на мгновение. Внизу, на парковке перед школой, стояли две машины — чёрный внедорожник и серебристая иномарка, слишком дорогие для этого района. За рулём одной сидел кто-то из старшеклассников — она ещё не знала имён, но чувствовала: это те самые «парни», про которых говорила Алина. Когда она вернулась за парту, Ян уже сидел на месте. Он мельком глянул на неё — и снова этот взгляд, как будто она была задачей, которую он не мог решить сходу. Урок прошёл спокойно. Но Ася чувствовала: спокойствие это временное.

Глава 4. Чёрные глаза

Первая неделя в новой школе тянулась, как жвачка, прилипшая к подошве — медленно, невкусно и без конца. Ася выучила расположение кабинетов, запомнила, что в столовой лучше не брать рыбные котлеты, и научилась не вздрагивать, когда за спиной раздавался смех Алининой компании. Она держалась. Она всегда держалась — мать с детства вбила в неё это умение, сама того не желая.

«Не показывай, что тебе больно, — говорила Вероника Станиславовна, когда Ася в семь лет разбила коленку и пришла к ней за сочувствием. — Мир любит сильных. Слабых он жуёт и выплёвывает». Сочувствия тогда не случилось, зато урок Ася усвоила.

Но с Яном было трудно «не показывать». Он сидел рядом с ней каждый день — рука на расстоянии ладони, плечо в поле бокового зрения. Он почти не разговаривал. На уроках то рисовал что-то в тетради, то смотрел в окно, то листал ленту в телефоне.

Но Ася физически ощущала его присутствие — как батарею, от которой идёт жар, даже если не прикасаться. Иногда он поворачивал голову и смотрел на неё — быстро, скользко, будто проверяя, на месте ли она ещё. И каждый раз, встречая этот взгляд, Ася чувствовала, как внутри что-то ёкает — глупо, неуместно, как сердцебиение перед прыжком с вышки. Она злилась на себя за это.

У неё был Арсений — точнее, не «был», а сложно. Чувство к Арсению было тихим, привычным, как музыка, которую слушаешь годами и уже не замечаешь. А Ян был громким. Чужим. Опасным. И его чёртова машина стояла у соседнего подъезда.

Ася обнаружила это случайно, на третий день после переезда. Возвращалась из школы, уставшая, с рюкзаком, набитым учебниками, и вдруг увидела знакомый чёрный внедорожник — он парковался у дома напротив, прямо напротив её окон. За рулём сидел Ян. Он не заметил её — говорил по телефону, откинувшись на подголовник, свободной рукой постукивая по рулю. Ася замерла за углом, как дура, и смотрела на него целую минуту, пока он не закончил разговор. Тогда она быстро ушла в подъезд, чувствуя, как колотится сердце. Судьба или издёвка?

В пятницу всё случилось. Была большая перемена, двадцать минут свободы. Ася стояла у подоконника в конце коридора, читала сообщения от Златы — та присылала смешные стикеры и уговаривала встретиться на выходных. «Мы с Арсением хотим в парк Горького, там каток открыли! Пойдём, Ась, ты что, отказываться вздумала?» Ася улыбалась и печатала ответ: «Я не на коньках, я на асфальте-то еле» Кто-то схватил её за локоть. Сильно, до боли.

— Эй, новенькая, — голос был мужской, грубый. — Ты что, не слышишь?

Ася обернулась. Перед ней стоял парень из параллельного класса — здоровый, с красным лицом и сальными волосами. Она видела его раньше: он вечно ошивался у входа в спортзал и что-то гоготал с такими же, как он.

— Отпусти, — сказала она спокойно. — Мне больно.

— А мне плевать, — он сжал пальцы сильнее. — Ты тут по коридорам ходишь, как королева. Глаза свои чёрные палишь на всех. Ты кто вообще такая?

Вокруг начали собираться зеваки. Ася краем глаза заметила Алину и Диану — они стояли чуть поодаль и смотрели с интересом, как смотрят на мышь, загнанную в угол. Кто-то хихикнул. Кто-то достал телефон.

— Отпусти, — повторила Ася. Голос не дрожал, хотя внутри всё сжалось.

— Или я...

— Или ты что? — парень заржал. — Папочке пожалуешься? Мамочке?

«Мамочка» — последнее слово, которое могло бы вызвать у Аси что угодно, кроме страха. Она дёрнула руку, пытаясь вырваться, но он держал крепко. Она уже открыла рот, чтобы закричать — и тут увидела движение за спиной парня.

Ян. Он возник из ниоткуда — неслышно, как хищник. Просто положил руку на плечо парня. Тот развернулся — и осёкся. Ян был ниже, но в нём чувствовалась сила, которую не измерить сантиметрами. Он стоял спокойно, почти лениво, и только побелевшие костяшки пальцев выдавали, что спокойствие это — напускное.

— Руку убрал, — сказал Ян тихо. — Чего? — Руку. Убрал. От неё. Я два раза не повторяю.

Парень отпустил. Быстро, будто обжёгся. Ася машинально растёрла локоть — там, где останутся синяки.

— Ты чего, Ян, — парень попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривая, заискивающая. — Я ж просто пошутил. Мы с новенькой познакомились.

— Незнакомься, — Ян чуть склонил голову. — Иди отсюда.

Парень ушёл — быстро, почти бегом, втягивая голову в плечи. Коридор зашелестел шёпотом. Алина перестала улыбаться и смотрела на Яна с чем-то странным — не то с ревностью, не то с любопытством. Ася стояла, прижав руку к локтю, и чувствовала, как внутри всё дрожит — не от страха, а от реакции. От того, что этот человек, этот невозможный, наглый, опасный человек только что встал между ней и миром.

Ян повернулся к ней. В коридоре горел холодный дневной свет из окон, и его глаза казались почти прозрачными.

— Ты цела? — спросил он тоном, которым спрашивают, не пролился ли кофе.

— Да. Спасибо, — она сглотнула.

— Не нужно было. Я бы сама справилась.

— Ну да, конечно, — он усмехнулся, и усмешка эта была неприятной — колючей. — Ты бы справилась. А потом пришла бы домой и ревела в подушку, а назавтра он бы снова к тебе прицепился. Потому что он унюхал страх. И все они унюхали.

Он кивнул в сторону Алины, Дианы, остальных.

— Я не боюсь, — сказала Ася, хотя голос дрогнул.

— Я знаю, — сказал Ян.

И вот тут что-то изменилось. Они стояли напротив друг друга — слишком близко, как не стоят чужие люди. У Аси пересохло в горле. Ян смотрел на неё, и в его взгляде больше не было ни равнодушия, ни лени. Там было что-то другое — незнакомое, почти растерянное. Как будто он сам не понимал, что делает и зачем. Как будто его тянуло к ней магнитом, который он не мог отключить.

— У тебя глаза — начал он и осёкся.

Тряхнул головой, словно отгоняя мысль.

— Что — глаза? — Ася подняла бровь.

— Ничего, — он отступил на шаг. — Просто чёрные. Как у галки.

— Спасибо за комплимент, — фыркнула она, хотя внутри всё пело. Галка. Он назвал её галкой.

— Это не комплимент, — бросил Ян и зашагал прочь.

Но уходя, обернулся. Всего на секунду. И этого хватило, чтобы Асино сердце пропустило удар.

Вечером она сидела на кровати в своей комнате-пенале и смотрела в тёмное окно. За стеной мать в очередной раз выговаривала отцу про деньги — голос был ровный, ледяной, как хирургический скальпель. Отец молчал. Ася накрыла голову подушкой, чтобы не слышать.

И вдруг — телефон. Незнакомый номер. Сообщение: «Галки не плачут. Держись. Я.» Ася смотрела на экран и чувствовала, как внутри разливается что-то тёплое и страшное одновременно.

менно. Откуда он взял её номер? Зачем написал? И почему от одного сообщения ей стало легче, чем от всех разговоров со Златой и Арсением? Она не ответила. Но и не удалила. А за окном, у соседнего подъезда, мигнули фары чёрного внедорожника и погасли.

Глава 5. Трещина под полом

Квартира никогда не была для Аси крепостью. В детстве она читала английские книжки — те самые, где у детей есть «their own castle», и не понимала, как это. У них дома крепости не было. Была территория Вероники Станиславовны — зона строгого контроля, где нельзя громко смеяться, нельзя ставить кружку не на подставку и нельзя, боже упаси, болеть без справки. Отец называл это «порядком» — мать называла это «жизнью нормальных людей».

Ася называла это про себя «зоной поражения». Теперь, в новой квартире, зона поражения сжалась до размеров спичечного коробка. В коридоре нельзя было разминуться вдвоём. На кухне, если открыть холодильник, приходилось втягивать живот. Звукоизоляция отсутствовала как факт: было слышно, как сосед сверху спускает воду, как за стеной плачет чей-то младенец и как мать с отцом выясняют отношения на повышенных тонах. В тот вечер Ася сидела в своей комнате и делала вид, что учит физику. На самом деле она просто водила ручкой по полям тетради, выводя бессмысленные загогулины, и прислушивалась.

— Я не знаю, Серёжа, как ты собираешься нас обеспечивать, — голос матери был сухим, как наждачная бумага. — Ты уже третий месяц без нормальной работы. Третий месяц. Моих сбережений хватит ещё на полгода, а дальше что? Продадим и эту квартиру? Переедем в коммуналку?

— Вероника, я ищу, — отец говорил тихо, почти шёпотом. Ася напрягала слух, чтобы разобрать слова.

— Ты же знаешь, рынок сейчас сложный. Но я вчера был на собеседовании, они обещали

— Кому ты нужен в пятьдесят лет, ты сам подумай, — перебила мать. — Кругом молодые, голодные, готовые работать за копейки. А ты что? Ты ничего не умеешь, кроме как бумажки перекладывать. И то — видимо, не очень умел, раз тебя сократили.

Тишина. Отец ничего не ответил. Ася представила, как он сидит сейчас — опустив плечи, сжав руки на коленях, и на лбу у него выступает та самая жилка, которая появляется, когда он пытается сдержать слёзы. Ей захотелось выйти на кухню, обнять его, сказать: «Пап, ты молодец, ты справишься». Но она знала: мать воспримет это как бунт. Как предательство. Как переход на сторону врага.

Поэтому она осталась сидеть. Физика расплывалась перед глазами. Ася отложила ручку и взяла телефон. Чат «Троица» — так они называли свою группу ещё в восьмом классе. Злата и Арсений. Её спасательный круг. Ася: «Вы дома?» Ответ пришёл почти мгновенно. Злата: «Я у бабушки, но я с тобой! Что случилось?» Арсений: «Дома. Задолбался с алгеброй. Ты как, Ась?» Она набрала: «Норм. Просто скучаю». Потом стёрла и написала честно: «Они опять ругаются. Достало». Злата: «Обнять тебя мысленно. Держись, маленькая. В субботу увидимся, да? Я тебя затискаю». Арсений: «Аська, не принимай на свой счёт. Взрослые иногда как дети, только хуже — у них аргументов больше. Ты ни в чём не виновата, слышишь?» Ася улыбнулась — слабо, но улыбнулась.

Арсений всегда умел находить правильные слова. Может, поэтому она его и любила — с той самой седьмой весны, когда он сказал ей: «У тебя смех как колокольчик, никогда не переставай смеяться». Сказал и пошёл дальше, не заметив, как она покраснела до корней волос. А она запомнила. Запомнила и несла это воспоминание как драгоценность — глупую, маленькую, никому не нужную. Ася: «Спасибо. Я вас люблю, вы знаете?» Злата: «Знаем. Мы тебя тоже». Арсений: «Само собой».

И потом — отдельное сообщение от Арсения, уже в личку: «Если хочешь — позвони. Я не сплю ещё». У Аси сердце упало куда-то в живот. Позвони. Он написал «позвони». Это же просто дружеское, да? Ничего такого? Но почему тогда она смотрит на эти пять слов и чувствует, как щёки теплеют? Она не позвонила. Побоялась. Вместо этого написала: «Спасибо,

но уже поздно. Спокойной ночи, Сень». Он ответил: «Спокойной, Аська. Пусть тебе приснится море».

Море. Откуда он помнит про море? Она сказала ему сто лет назад, что никогда не видела моря, но мечтает. Он запомнил. И от этого было так тепло, что Ася на минуту почти забыла про голоса за стеной. Почти. Потом всё стихло. Хлопнула дверь спальни — мать ушла к себе. Отец остался на кухне. Ася слышала, как он гремит чайником, как открывает кран, как тяжело вздыхает — один, в темноте.

Она встала с кровати, босиком прошла в коридор. Дверь на кухню была приоткрыта, полоска света падала на линолеум. Отец сидел за столом, опустив голову на руки. Перед ним стояла чашка с остывшим чаем.

— Пап, — тихо позвала Ася.

Он вздрогнул, поднял глаза. Попытался улыбнуться — и улыбка вышла жалкой, разбитой.

— Не спишь, стрекоза?

— Не сплю, — она подошла и села напротив. — Ты как?

— Нормально, — сказал он, и это «нормально» было самым большим враньём в его жизни. — Иди спать. Завтра в школу.

— Пап, — она накрыла его руку своей. — Ты хороший. Ты справишься. Я в тебя верю.

Отец посмотрел на неё, и в его глазах что-то дрогнуло. Он открыл рот, хотел что-то сказать, но только сжал её пальцы в ответ.

— Иди спать, — повторил он хрипло. Ася ушла. Легла в кровать, укрылась одеялом с головой. И вдруг — телефон снова зажёгся. Она ожидала увидеть сообщение от Арсения, но нет. Незнакомый номер.

Тот самый. Ян: «Не спится?» Ася замерла. Откуда он знает, что она не спит? Она набрала: «Ты следишь за мной?» Ответ пришёл через секунду: «Я курю на балконе и вижу твоё окно. У тебя свет горит». Точно. Соседний подъезд. Балкон. Она зажмурилась и тихо застонала в подушку. Ася: «Зачем ты мне пишешь?» Ян: «Не знаю. Скучно». Ася: «Найди другую развлечение».

Ян: «Не хочу другую». Она не ответила. Просто смотрела на экран, пока он не погас. Потом отложила телефон, встала и, поколебавшись секунду, подошла к окну. Отодвинула штору — самую малость. На балконе соседнего дома горел огонёк сигареты.

Тёмный силуэт стоял, облокотившись на перила, и смотрел прямо на её окно. Ася не стала включать свет. Просто стояла в темноте, чувствуя, как по телу — от макушки до пят — бегут мурашки. Ян поднял руку. Не помахал — просто показал ладонь, как будто говорил: «Я здесь». Она задёрнула штору. Но ещё долго не могла уснуть, а когда уснула — ей приснились чёрные птицы и серые глаза.

Глава 6. Чужая среди своих

Суббота выдалась солнечная и холодная — такая московская осень, когда небо голубое до рези в глазах, а воздух пахнет прелой листвой и близким снегом.

Ася сбежала из дома рано утром, пока мать ещё не проснулась, а отец тихо гремел посудой на кухне. Ей не хотелось объяснять, куда она идёт и зачем. Не хотелось слушать очередное «лучше бы к ЕГЭ готовилась, чем шляться». Она просто натянула пальто, сунула ноги в ботинки и выскользнула за дверь, как вор из собственной жизни. В парке Горького былолюдно. Каток и правда открыли — музыка гремела на всю набережную, и лёд под ноябрьским солнцем блестел, как сахарная глазурь. Ася пришла первой — встала у входа, засунув руки в карманы, и смотрела на чужих, весёлых, смеющихся людей. Ей казалось, что она стоит за стеклом: все внутри праздника, а она снаружи.

— Аська!!!

Злата налетела вихрем — ярко-рыжий шарф развевался на ветру, щёки покраснелись. Она стиснула Асю в объятиях, и от этого на секунду стало тепло и хорошо.

— Ты чего такая бледная? Не спишь опять? Так, всё, сегодня я тебя кормлю, пою и развлекаю.

— Поёшь? — Ася слабо улыбнулась. — Ты же не умеешь петь.

— Ой, завидуй молча, — фыркнула Злата. — Сенька сейчас подойдёт. Он в пробке застрял, писал мне.

Мне, отметила Ася. Не нам. Странная, крошечная деталь — но она её зацепила и отложила куда-то на подкорку. Арсений появился через десять минут — запыхавшийся, с воротником, поднятым до ушей, и виноватой улыбкой. Он чмокнул Асю в щёку — как обычно. Потом повернулся к Злате — и поцеловал её. В губы. Быстро, легко, почти незаметно. Почти.

— Ага, — сказала Ася вслух, и голос прозвучал чужим. — А вот это у вас когда?

Злата замерла. Арсений стал цвета свёклы — у него всегда краснели не щёки, а почему-то шея и уши.

— Ась, мы хотели сказать, — Злата схватила её за рукав.

— Просто момент всё время какой-то не тот. То переезд твой, то с родителями у тебя, то вообще всё. Мы не хотели тебя грузить.

— Мы вместе где-то месяц, — сказал Арсений тихо. — Оно как-то само.

Месяц. Целый месяц они уже вместе, а она не знала. Целый месяц они переписывались с ней, звонили, поддерживали — и молчали о главном. Ася стояла и чувствовала, как внутри что-то медленно, с хрустом ломается. Маленькое, хрупкое, глупое — то, что она так долго берегла. Надежда. Надежда на то, что Арсений когда-нибудь посмотрит на неё иначе. Что он поймёт. Что всё это было не просто так — все эти взгляды, слова, случайные прикосновения. Она молчала слишком долго. Злата начала паниковать:

— Ась, ну пожалуйста. Ты же не злишься? Для тебя это же не ну, не то чтобы... Ты же никогда не говорила, что он тебе...

Она осеклась. Потому что Ася посмотрела на неё — и в этом взгляде, должно быть, было что-то такое, от чего слова застревают в горле.

— Конечно нет, — сказала Ася.

Голос был ровный, как линия на кардиограмме, когда сердце уже остановилось.

— Я за вас рада. Правда. Вы мои лучшие друзья. Всё хорошо.

Арсений выдохнул. Злата просияла и бросилась обниматься. Ася позволила себя обнять. Она даже улыбнулась — мышцы лица помнили, как это делается.

— Просто вы мне как семья, — сказала она тихо, и это была чистая правда.

— А семья должна быть честной. Ладно?

— Ладно, — сказали они хором, и Злата шмыгнула носом.

— Честность с этого дня! Клянусь!

Они пошли кататься на коньках. Злата, как выяснилось, каталась как богиня — крутила пируэты и смеялась, запрокидывая голову. Арсений держался за бортик и ругался сквозь зубы. Ася ехала впереди, глядя прямо перед собой, и слёзы, которые текли по её щекам, можно было списать на ветер. Никто не спросил.

Она думала: это и есть взросление? Когда ты теряешь всё, что любишь, и говоришь «я рада»?

Вечером, когда она вернулась домой, мать сидела на кухне с бокалом белого вина и листала что-то в телефоне. Отец был в спальне — дверь закрыта, тишина.

— Где была? — спросила мать, не поднимая глаз.

— С друзьями. В парке.

— С теми же, что и раньше? — Вероника Станиславовна поджала губы. — Я думала, ты в новой школе кого-нибудь нормального найдёшь. А ты всё с этими.

Ася ничего не ответила. Просто ушла в свою комнату и закрыла дверь. На телефоне было два сообщения. От Арсения: «Ты точно в порядке? Ты сегодня была тихая». От Яны: «Галка, ты плакала. Я видел, как ты заходила в подъезд. Кто тебя тронул?» Она долго смотрела на оба сообщения. Потом ответила на первое — Арсению: «Я в порядке. Правда. Вы счастливы — и это главное».

А на второе — Яну — написала: «Не сегодня». Он написал через секунду: «Когда захочешь — я на балконе». И она снова — в который раз — почувствовала, как внутри, под слоем боли и усталости, что-то слабо теплится. Что-то, что она пока отказывалась называть.

Глава 7. Игры на выживание

В понедельник школа встретила Асю привычным гулом, запахом столовки и ощущением, будто она ходит по минному полю. После выходных она чувствовала себя выпотрошенной — сказались притворство перед друзьями, бессонная ночь и два сообщения, на которые она так и не ответила.

Но в школе нужно было держать спину. Здесь слабость не прощали. Первым, кого она увидела, заходя в класс, был Илья. Он стоял у своего места — последняя парта у стены, самая неприметная, — и растерянно смотрел на рюкзак. Точнее, на то, что от него осталось.

Кто-то вывернул содержимое прямо на пол: тетради, ручки, скомканные бумажки с рисунками птиц, старый плеер с наушниками — всё валялось в куче, а сверху красовался чей-то недоеденный бутерброд с колбасой, масляным пятном расплзшийся по обложке учебника. Вокруг уже собирались зрители.

Алина стояла у доски, скрестив руки, и наблюдала с ленивым интересом. Диана хихикала, прикрывая рот ладонью. Камилла — единственная из троих — смотрела в пол, но молчала. Парни из «крутой компании» — двое у окна и ещё один на подоконнике — то ли не замечали, то ли делали вид, что не замечают.

— Кто это сделал? — голос у Ильи был тихий, надтреснутый.

Он ни к кому конкретно не обращался. Просто смотрел на разгром, и плечи у него дрожали всё сильнее.

— Ой, да ладно тебе, Илюш, — протянула Диана. — Подумаешь, рюкзак. Может, он сам упал. Может, у тебя там мыши завелись.

Смех пробежал по классу — быстрый, нервный. Кто-то откровенно ржал, кто-то прятал улыбку. Большинство просто делало вид, что ничего не происходит. Ася смотрела на Илью и чувствовала, как внутри закипает ярость — та самая, которую она так хорошо научилась прятать. Он был нелепый, этот Илья: долговязый, с вечно салными волосами и прыщами на подбородке. С ним никто не дружил. Он рисовал птиц на полях тетрадей и на уроках физкультуры всегда стоял последним, когда выбирали команды. Но он был живой. И он дрожал сейчас, как птенец, которого выкинули из гнезда просто потому, что кому-то было скучно. Ася шагнула вперёд.

— Диана, — сказала она громко. — Это ты сделала?

В классе стало тихо. Так тихо, что было слышно, как на первом этаже звенит звонок для младших классов. Диана повернула голову. Улыбка исчезла с её лица, как стёртая ластиком.

— Чего? — переспросила она.

— Ты. Сделала. Это, — Ася говорила медленно, и голос не дрожал.

Внутри всё колотилось, но снаружи был лёд. Спасибо матери за эту науку.

— Ты вывернула его рюкзак и положила сверху еду. Я спрашиваю: зачем?

— Ты попутала, новенькая, — Диана шагнула к ней. Они оказались лицом к лицу. Диана была чуть выше, чуть шире в плечах, и взгляд у неё был тяжёлый, как у человека, который привык к власти.

— Ты здесь без году неделя. Сиди молча, и проблем не будет.

— Это не ответ, — сказала Ася.

— А это не твой пёс, — Диана кивнула на Илью. — Или ты к нему в адвокаты записалась? Может, ты теперь с ним дружишь? Ну давай, забери его к себе. Будете вместе на задворках сидеть, птичек рисовать.

Кто-то из парней хохотнул — кажется, тот, с подоконника. Ася не обернулась.

— Ты просто трусиха, — сказала она тихо, но так, что услышали все. — Ты цепляешься к тому, кто не может дать сдачи. Думаешь, это делает тебя крутой? Это делает тебя жалкой.

В классе повисла такая тишина, что было слышно, как где-то капает вода из крана. Диана побледнела. Не от страха — от ярости. Её ноздри раздулись, и она уже открыла рот, чтобы ответить, но её опередили.

— Всё, хватит.

Ян. Он прыгнул с подоконника и не спеша подошёл к ним. Встал между Асей и Дианой — не загораживая никого, просто оказываясь центром. Глаза у него были спокойные, сонные даже, но Ася уже научилась различать: когда Ян спокоен — это самое опасное.

— Ди, отойди, — сказал он.

— Ян, ты чего? — она уставилась на него. — Ты будешь её защищать? Эту? Ты?

— Я никого не защищаю, — он пожал плечами. — Просто цирк надоел. Звонок сейчас будет. Садись.

Диана смотрела на него ещё секунду — и в её глазах промелькнуло что-то, чего Ася не ожидала. Боль. Самая настоящая, живая боль, замаскированная под презрение. Диана была влюблена в Яна. И, кажется, давно.

— Ладно, — процедила она. — Пусть живёт твоя галка. Пока.

Она развернулась и ушла на своё место, по дороге задев плечом парту. Алина и Камилла потянулись за ней, как две тени. Представление закончилось. Илья всё это время стоял, прижавшись к стене. Ася подошла к нему и, не говоря ни слова, опустилась на корточки. Начала собирать тетради.

— Не надо, — прошептал он. — Я сам. Ты не должна...

— Перестань, — сказала она тихо. — Никто не должен. Просто дай помогу.

Он замолчал. Ася стряхнула крошки с учебника, вытерла обложку рукавом. Птицы на смятых бумажках были нарисованы аккуратно, с любовью — ласточки, вороны, какие-то фантастические существа с крыльями и человеческими глазами.

— Красиво, — сказала она. — Ты талантливый.

Илья поднял на неё глаза. Они были серые, водянистые, но в них на секунду мелькнуло что-то похожее на надежду.

— Спасибо, — прошептал он.

Когда Ася села на своё место, Ян уже сидел рядом и что-то чертил в тетради. Не глядя на неё, он сказал:

— Ты сейчас сделала две вещи. Хорошую и глупую. Хорошая — помогла ему. Глупая — нажила врага.

— Диана мне и так не подруга, — ответила она.

— Она теперь тебя сожрёт, — Ян поднял глаза. — Не сразу. Медленно. Она так умеет — маленькими кусочками. Ты даже не заметишь, как останешься одна.

— Я уже одна, — сказала Ася и сама удивилась, как спокойно это прозвучало.

Ян долго смотрел на неё. В его глазах — светлых, невозможных — что-то менялось. Будто он впервые видел её по-настоящему.

— Нет, — сказал он наконец. — Не одна.

И отвернулся к окну. Весь оставшийся день Ася ловила на себе взгляды. Диана не подходила — просто смотрела издалека, и в этом взгляде было обещание. Не сейчас. Но скоро. А вечером, когда Ася вернулась домой, то увидела в своем рюкзаке рисунок — ласточка в полёте, чёрная, с острыми крыльями, выполненная тушью, очень тщательно. И записка:

«Спасибо. Я нарисовал для тебя. Илья». Ася долго смотрела на ласточку, а потом прикрепила рисунок к стене над столом. Рядом с окном, из которого был виден соседний балкон.

Глава 8. Точка невозврата

Три дня Илья не появлялся в школе.

Сначала никто не заметил. Он был из тех, чьё отсутствие не бросается в глаза — тихий, серый, как мышь за плинтусом. Но на четвёртый день, в четверг, классная руководительница Галина Романовна вошла в кабинет без журнала. Лицо у неё было странное — серое, будто присыпанное пеплом.

— Дети, — сказала она, и это «дети» резануло слух. Она не называла их так никогда — только «одинадцатый класс», «выпускники», «взрослые люди».

— У меня очень тяжёлая новость. Илья... Ильи больше нет. Он покончил с собой вчера вечером.

Тишина. Такая, какой Ася не слышала никогда в жизни. Казалось, мир остановился — ни дыхания, ни шороха, ни скрипа стульев.

— Как... — начала Диана и осеклась, прижав ладонь ко рту.

— Его мама позвонила сегодня утром. Подробности я не знаю, — голос у Галины Романовны дрожал. — Завтра в школе будет психолог. Кто захочет — можно не приходиться на уроки. Кто захочет — приходите. Мы... мы все должны как-то это пережить.

Пережить. Слово повисло в воздухе, как приговор.

Ася сидела за партой и смотрела в одну точку — на доску, где ещё остались формулы с прошлого урока физики. Буквы и цифры расплывались. Она вспомнила ласточку над столом. Вспомнила глаза Ильи — серые, водянистые, с проблеском надежды, когда она помогла ему собрать рюкзак. Она думала: я помогла. Думала: может, теперь будет легче. А он...

Звонок прозвенел, но никто не двинулся с места.

Первой встала Алина. Лицо у неё было белое как мел, и на нём — впервые за всё время — не было привычной маски превосходства. Она обвела класс взглядом и вышла, почти выбежала. Диана рванулась за ней — тапочки зашуршали по линолеуму. Камилла осталась сидеть, вцепившись пальцами в край парты. Она смотрела прямо перед собой, и по её щекам текли слёзы — молча, без всхлипов.

Кто-то из парней у окна сказал вполголоса:

— Да ну, бред. Этого не может быть. Мы же его только в пятницу...

— Что «в пятницу»? — голос Яна прозвучал резко, как удар. — Что вы сделали в пятницу?

Парень осёкся. Переглянулся с другими. Повисло молчание.

— Я спрашиваю, — Ян встал. — Что вы сделали?

— Ничего такого, — пробормотал парень. — Ну, пошутили. Сняли его на телефон, как он...

— Как он что? — спросила Ася, и её голос — чужой, ледяной — разорвал тишину.

— Как он в туалете на коленях стоит. Мы просто прикололись. Он сам испугался, мы ничего ему не сделали...

Ася почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Туалет. Колени. Телефон. «Просто прикололись». Она посмотрела на парня — его звали Вадим — и не увидела в его глазах ничего. Вообще ничего. Пустота.

— Вы сняли его унижение, — сказала она тихо. — Вы выложили это?

— Нет! — он замотал головой. — Ну... может, кто-то переслал. Мы не выкладывали. Это же просто шутка была.

Ян пересёк класс тремя шагами — быстрыми, бесшумными. Схватил Вадима за грудки и прижал к стене.

— Ты переслал, — сказал он тихо. — Кому?

— Да никому! Почти... ну пацанам из десятого. Они ржали. Мы думали, прикольно же... Ян отпустил его. Отступил на шаг. И Ася увидела то, чего не видела никогда: у него дрожали руки. Не от страха — от ярости. Или от чего-то, чему она пока не знала названия.

— Пошли вон, — сказал Ян. — Все. Кто это сделал — пошли вон из класса.

Никто не двинулся. Тогда Ян повернулся к Алининой компании — к тем, кто остался.

— Я сказал — вон.

И они пошли. Медленно, как побитые собаки.

Ася осталась сидеть. Камилла тоже — она тихо плакала, уткнувшись в парту. Ян стоял у доски, глядя на пустые стулья, и молчал.

— Ты знал? — спросила Ася.

— Нет, — он покачал головой. — Я видел, что его трогают. Но думал... не настолько. Я думал — просто слова. Просто пинки. Это же школа, здесь все через такое проходят, да?

— Не все, — сказала Ася. — И не через такое.

Она встала и вышла. Ей нужно было на воздух — тошнило, кружилась голова, перед глазами стояла ласточка. Чёрная, с острыми крыльями.

В коридоре её догнала Камилла. Схватила за рукав. Ася обернулась — и увидела заплаканное, раздавленное лицо.

— Я... я тоже виновата, — прошептала Камилла. — Я видела этот ролик. Мне Диана прислала. Я не остановила. Мне было страшно, что они и меня... Я ничего не сделала.

Ася посмотрела на неё долгим взглядом. Хотела сказать что-то резкое — и не смогла. Потому что Камилла, с её вечно опущенными глазами, сейчас была не змеей. Она была перепуганным ребёнком.

— Иногда «ничего не сделать» — это и есть самое страшное, — сказала Ася.

И пошла дальше.

Вечером она стояла у окна, глядя на соседний балкон. Яна там не было. Телефон молчал. В доме — тишина: мать уехала к каким-то своим знакомым, отец спал после смены. Ася была одна со своими мыслями.

Она вспоминала Илью. Его птиц. Его тихий голос. Его записку: «Спасибо. Я нарисовал для тебя». Она вспомнила, как он стоял у разгромленного рюкзака и дрожал. Как сказал: «Не надо, я сам».

Никто не должен быть «сам». Никто.

Она открыла телефон. Набрала Яну:

«Ты как?»

Ответ пришёл через минуту:

«Паршиво. Не спал две ночи. Всё думаю: ес

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.